

зуетъ границу между тѣмъ и другимъ“¹⁾. Разбивъ міръ на такія двѣ половины, слѣдуетъ при сужденіи о человѣческой дѣятельности разрѣшить такой вопросъ: „куда, т. е., къ какой половинѣ относится каждый изъ двухъ моментовъ дѣйствія — постановка цѣли и исполненіе?“ Съ первого взгляда, разсуждаегъ Каутскій, я себѣ ставлю цѣль въ будущемъ, но съ тѣхъ поръ, какъ цѣль уже стоить передо мною, она въ прошломъ. Изъ этого слѣдуетъ та въ высшей степени пустая и безнадежная истина, что „въ царствѣ свободы лежать только тѣ цѣли, которая еще не поставлены, о которыхъ мы совершенно ничего не знаемъ“. Но если не говорить о мистическомъ царствѣ непоставленныхъ цѣлей, остается вполнѣшая связанность; всякая поставленная цѣль,—а только такія и бывають — „заковывается временемъ“, какъ выражается Толстой.

Въ чёмъ же въ такомъ случаѣ свобода и существуетъ ли она? На это оба наши автора отвѣчаютъ различно. По Каутскому эта свобода существуетъ, но — увы! — она очень печальна: „даже, — говоритъ онъ, — если я поступаю по принужденію, то и тогда мнѣ остается на выборъ подчиниться ли этому принужденію или неѣть, и, въ видѣ крайняго средства избавиться отъ него, мнѣ остается добровольная смерть“²⁾. По Каутскому, стало быть, выходитъ, что мы должны сознательно питаться фантазмой свободы подъ дамокловымъ мечемъ „добровольной смерти“.

А Толстой гораздо прямѣе отвѣчаетъ на этотъ вопросъ, когда говоритъ: „необходимо отказаться отъ несуществующей свободы и признать неощущаемую нами зависимость“.³⁾ Пониманіе Толстымъ свободы привело его къ полному отрицанію ея.

Со стороны архитектонической его система вполнѣ закончена: исторический процессъ состоить въ проявленіи суммы безконечно большого количества людскихъ произволовъ, регулируемыхъ и направляемыхъ десницею Провидѣнія, малѣйшее измененіе исторического хода для людей не достижимо, цѣль исторического процесса непостижима и всякое проникновеніе человѣческой мысли въ смыслъ исторіи обречено, поэтому на бесплодіе⁴⁾. Казалось нельзя было создать болѣе пессимистической философіи исторіи! Это былъ бы самый темный фаталисти-

¹⁾ „Этика и материалистическое пониманіе исторіи“. К. Каутскій. Изд. Кипера, 1906, стр. 31.

²⁾ См. стр. 32. „Этика и матер. поним. исторіи“. Издание Кипера. Одесса, 1906.

³⁾ „Война и Миръ“ Т. IV. Стр. 419.

⁴⁾ Ссылаемся здѣсь на особенно характерную въ этомъ отношеніи главу IV, части I, тома III „Воины и Мира“.